

НАТАЛЬЯ АБРАМЦЕВА

ЗАЧАРОВАННАЯ ИЗБУШКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1989





ЗАЧАРОВАННАЯ ИЗБУШКА

Жил-был дом. Старый, деревянный. Крыша покосилась. Печка развалилась. Труба набок съехала. Окна не открываются, двери не закрываются. Щели в полах.

Когда-то давно в доме жили люди. Тогда он был новенький и красивый. А потом люди уехали. И дом стал скучать и стареть.

И сад вокруг дома тоже скучал-скучал и даже одичал от одиночества. Яблоки стали кислыми, вишни мелкими. Вместо цветов — высокая трава, крапива да лопухи выросли.

Вот и жил старый заброшенный дом в старом заброшенном саду.

Весной, когда стаивали огромные сугробы, выползало из-под снега кривое крылечко, дом и сад просыпались после долгого зимнего сна. Просыпались, потягивались, поскрипывавая старыми досками под ветрами. И дом говорил:

— А не думаешь ли ты, сад, что в этом году к нам могут вернуться люди?



- Д у м а ю , — неуверенно отвечал сад.
- Мы должны подготовиться к встрече , — говорил дом.
- Конечно, — соглашался сад.

Им помогали ветер, дождь и солнце. Ветер влетал в дом через трубу. Проветривал комнаты, чердак и даже подвал. Потом, через вечно открытую дверь, вылетал в старый сад. Выметал прошлогоднюю листву, сухие ветки. Помогал, очень осторожно, развёртываться нежным лепесткам диких яблонь и вишен.

После ветра за дело брался дождь. Дождь тщательно отмывал весь дом: от съехавшей набок трубы до самого крылечка. Конечно, особенно дождь старался, когда мыл окна. Стёкла всё-таки. Пусть и разбитые. Ещё дождь своими сильными струями расчёсывал густую листву сирени, разглаживал листья тополей. И землю в саду поил дождь. Жаль, конечно, что не розы на ней вырастут, а лопухи да крапива, но пусть и они лучше зелёными и крепкими будут, чем чахлыми.

За ветром и дождём приходила очередь солнца. Солнце хорошенько просушивало дом. Гладило золотыми лучами стёкла в паутине трещин, чтобы ярче блестели. Золотило старые наличники на окнах. Потом лучи солнца скользили по саду. Заглядывали в каждый крохотный цветок дикой сирени, и те светились маленькими искорками.

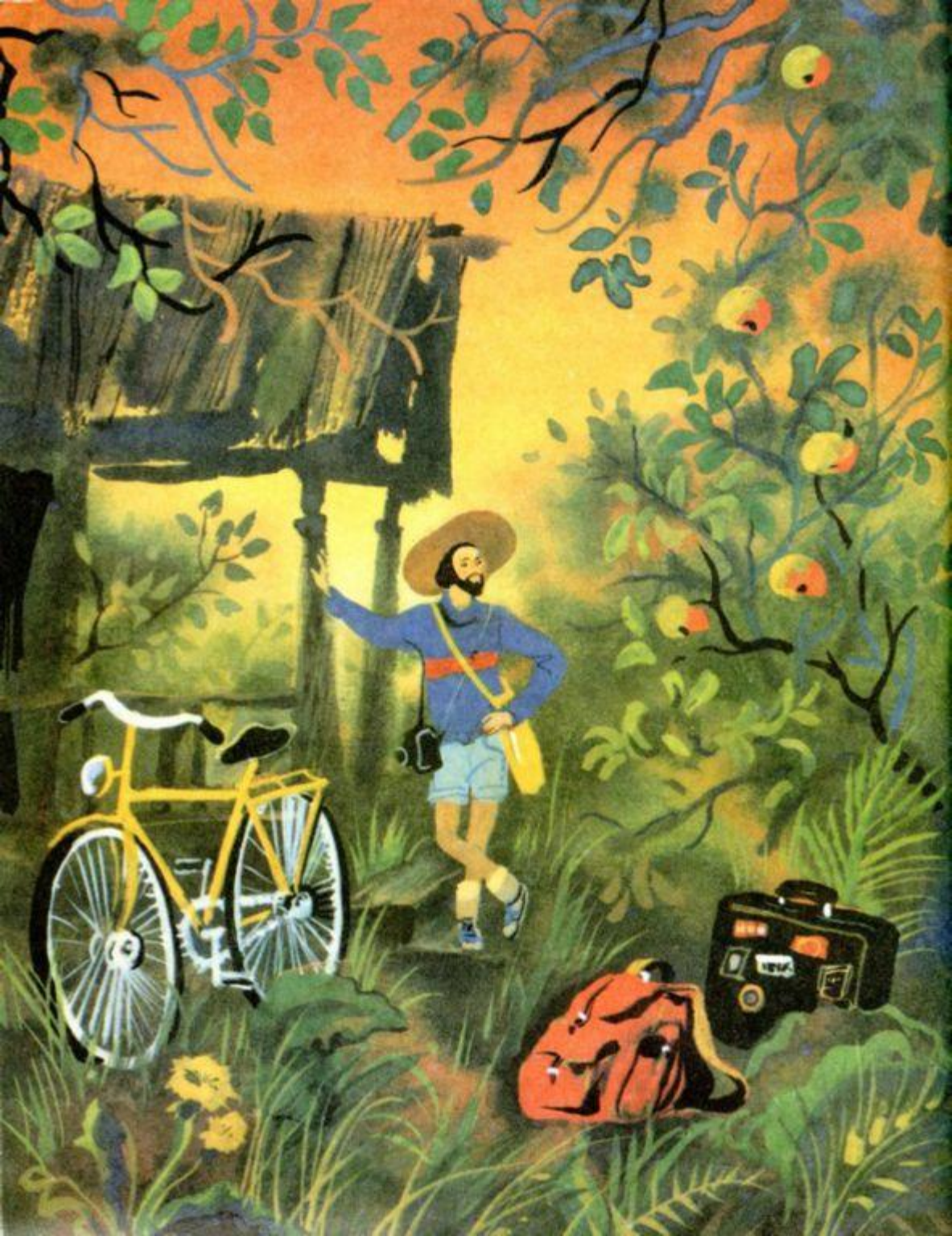
Затем снова прилетал ветер. Он где-то раздобыл семена цветов. Но ветер не был настоящим садовником и разбросал семена, как умел. А потому одуванчики выросли не только в густой траве, но и на крыльце. А одна ромашка ухитрилась поселиться даже в какой-то щёлочке на крыше.

Так ветер, дождь и солнце помогали готовиться заброшенному дому и старому саду к встрече людей.

Дом и сад ждали, но люди не приходили. Вернее, приходили, но, посмотрев на дом и сад, уходили.

— Это старый д о м , — говорили л ю д и . — У него разбиты окна, и крыша съехала набок, и крыльцо почти развалилось. Разве это дом?

— Да, конечно , — соглашались другие л ю д и . — И сад то-



же совсем заброшен. Яблоки кислые, вишни мелкие. А крапивы столько-о-о! А трава-то как разрослась!.. Разве это сад?

— Н е т , — решили л ю д и , — лучше мы построим новый красивый дом и вырастим новый замечательный сад.

И люди уходили. Дом и сад очень огорчались и начинали ждать снова. Ждали, ждали, ждали... и дождались.

На покрытом пылью дальних дорог велосипеде к дому подъехал человек. За спиной — рюкзак. На багажнике — огромный чемодан с разноцветными наклейками. Через плечо яркая дорожная сумка. На другом плече — фотоаппарат. На голове широкополая шляпа. Конечно же, это был бывалый путешественник. А путешественники, как известно, любят всякие странности.

Дом с ромашкой на покосившейся крыше, с одуванчиками на кривом крыльце, сад, в котором ветви диких яблонь переплетаются с ветками дикой сирени, как в сказочном лесу, а по земле стелются тёмно-зелёные лопухи, похожие на огромные живые зонтики, — разве это не странность?! Почти волшебная странность.

— А х , — сказал путешественник, — какое чудо! Заколдованная избушка в заколдованном саду.

«Вовсе мы не заколдованные, — подумали дом и с а д , — мы заброшенные».

— А х!— снова сказал путешественник. — Какая прелесть!

И он защёлкал фотоаппаратом.

«Мы — прелесть... Мы — чудо...» — почти задохнулись от радости и смущения дом и сад.

— Пожалуй, я поживу з д е с ь , — решил путешественник.

И путешественник вместе со своим усталым велосипедом, тяжёлым рюкзаком, чемоданом с наклейками, дорожной сумкой и, конечно же, фотоаппаратом поселился в заброшенном доме и одичавшем саду. Он трудился всё лето...

Что же из этого получилось? То, чего не могло не получиться. Яблоки стали крупными-крупными, вишни сладкими-сладкими. Среди лопухов расцвели ярко-красные маки вели-



чиной с огромные воздушные шары. Трещины на стёклах старых окон сложились в весёлые рисунки. Крылечко перестало просто скрипеть. А дверь, которая уже много лет не могла шевельнуться, открывалась и закрывалась с удовольствием и лёгкостью.

Почему же так вышло? Смешной вопрос. Ясно, почему.

А потом? Потом человеку пришло время отправляться в путь.

И что же получилось? То, что и должно было получиться: жили-были заброшенный дом и заброшенный сад...

А потом пришла зима. Повалил снег. Снег, снег... Сугробы в одичавшем саду. Сугробы на развалившемся крылечке. Сугробы на покосившейся крыше. Тяжёлый зимний сон.

...А потом пришла весна. Прилетел тёплый весенний ветер. Застучал тёплый весенний дождь. Тёплое весеннее солнце расправило длинные хрупкие лучи.

И старый дом сказал:

— А не думаешь ли ты, что в этом году к нам вернётся хозяин?

— Д у м а ю , — ответил сад.







ЦВЕТЫ И ЗЕРКАЛО

Старое бабушкино зеркало стояло на старом бабушкином комодe. Зеркало много лет смотрело на мир, и стекло его слегка затуманилось. Совсем чуть-чуть. Оправа зеркала была очень красива. Казалось, в ней спрятано множество сказок: ведь металлические нити, из которых она сделана, сплетались в удивительные узоры, цветы, листья.

Невдалеке от зеркала бабушка только что поставила узкую стеклянную вазу с цветами. Цветы отразились в зеркале. Это были гвоздики. Две гвоздики белые, две розовые и одна красная.

Гвоздики расправили свои резные лепестки, встряхнулись, распушились, огляделись. Совершенно неожиданно для себя они увидели в зеркале своё отражение. Потому неожиданно, что никогда раньше не видели зеркал и не знали, что такое отражение. Да и сейчас решили, что это просто такие же, как они, цветы.

— Как это замечательно, — сказала красная, самая старшая, гвоздика, — нас ждут прекрасные цветы, хозяева здешних мест!

— Они прекрасны! — сказали гвоздики белые.

— А нам кажется, — сказали розовые гвоздики, — что лучше назвать их очаровательными!

Старому бабушкиному зеркалу даже немножко смешно стало: гвоздики хвалили себя и не знали об этом.

Наконец, гвоздики решили познакомиться с теми, другими цветами. Все пять гвоздик вежливо и грациозно поклонились своему отражению и произнесли какие-то добрые слова. Те, другие цветы, тоже поклонились. Точно так же поклонились, но ничего не сказали. Это понятно. Ведь те гвоздики, что смотрели из зеркала, были не настоящие, а лишь отражённые.

— Они вежливы, но молчаливы, — сказала красная гвоздика.

— Быть может, они чересчур скромны, — предположили гвоздики белые.

— Давайте спросим их о чём-нибудь приятном, — подсказали гвоздики розовые.

Я не знаю, о чём спросили гвоздики своё отражение. И второго вопроса не знаю. И третьего. И даже десятого. Знаю только, что, в конце концов, гвоздики пришли в недоумение: оказывается, те, другие цветы, не желают с ними разговаривать. Удивительно! До сих пор все цветы охотно разговаривали с гвоздиками. Ничего не понятно!

Зеркало решило раскрыть гвоздикам тайну тех, других цветов. Тихонько позванивая, зеркало сказала, что других цветов вовсе и нет, что это просто отражение. И всё.

— И всё?! — не хотели верить гвоздики. — И всё?! Так просто?

— Да, просто, — отвечало зеркало, — прекрасные, прелестные, очаровательные цветы — это вы. А ваше отражение замечательно сочетается с моей ажурной оправой. Правда?

Зеркало не сомневалось в том, что гвоздикам это приятно. Но, похоже, оно ошиблось. Гвоздики загрустили и замолчали.

Долго они молчали, а потом красная гвоздика робко

спросила:

— Уважаемое зеркало, а вы уверены, что те, другие цветы... что их точно вовсе и нет?

— Конечно, — тихо зазвенело зеркало.

— Обидно, — сказала красная гвоздика.

— Грустно, — сказали гвоздики розовые.

А зеркало удивлялось: «Что же здесь обидного, грустного, печального? Как же они не понимают, — недоумевало оно, — как же прекрасные гвоздики не понимают, что раз здесь нет других цветов, они, бесспорно, самые красивые. Почему не радуются этому? Не гордятся?»

Гвоздики всё понимали, но не радовались и не гордились. Они грустили. Им казалось, что они потеряли друзей: гвоздику красную, две гвоздики белые и две розовые гвоздики...







ЧУДЕСА, ДА И ТОЛЬКО

Пожалуйста, никогда не выбрасывайте старых сахарниц. Если у вас появился новый сервиз, старую ненужную сахарницу хорошенько вымойте, высушите и поставьте на самую дальнюю полку буфета. И тогда, может быть, в вашем доме некоторое время будут твориться разные удивительные вещи. А это совсем не плохо...

В старых сахарницах любят жить Струмышки. А Струмышки, эти сказочные существа, больше всего на свете любят устраивать людям приятные удивительные неожиданности. Струмышки — это совсем не мышки, не лягушки, не воробышки. Очень немногие видели Струмышек — такие они непрочные, неуловимые, загадочные. От одного человеческого взгляда мгновенно превращаются в летучую золотистую пыль. Но те, у кого лёгкий взгляд и весёлые глаза, видели Струмышек и рассказывают, что они похожи на клубочки жёлтого, необыкновенно лёгкого, пушистого меха. А глаза Струмышек... Одни говорят — карие, другие — фиолетовые, третьи — синие. И это правда. Глаза у всех Струмышек разные.

Та Струмышка, о которой сказка, — зеленоглазая. Она



поселилась в красной с белыми горошинами сахарнице, которую мама убрала за ненадобностью.

Семья, в доме которой поселилась зеленоглазая Струмышка, была самой обыкновенной. Мама — то ли портниха, то ли... не знаю точно. Сейчас она дошивает подруге строгий деловой костюм. Папа — инженер, а может быть, шофёр или лётчик. У него есть любимое занятие: мастерить разные механические игрушки. Дочка. Девочка как девочка: косички, пятёрки, тройки, любимый косматый пёс.

Спокойно жила семья. Но вот в старой сахарнице появилась зеленоглазая Струмышка. И началось.

Дождавшись ночи, Струмышка выбралась из сахарницы, распушила свой лёгкий, лёгкий мех и плавно, как на парашюте, слетела с буфетной полки. Осмотрелась. Золотистым парашютиком покружилась над спящими хозяевами квартиры. Зелёными волшебными глазами заглянула в их сны. Придумала первую приятную странность, рассмеялась тихонько и принялась за дело. А как делала Струмышка своё дело — спрашивать не станем. Это её дело.

На другой день вечером папа сел к столу закончить очередную игрушку — вертолёт. А Струмышка уже здесь, его дожидается. Только папа её не видит: ведь она рассыпается от взгляда человека. Вот самый важный момент — последняя деталь, и вертолёт готов. Но множество золотистых пылинок замелькало в глазах у папы. А вместо вертолёта... Смотрит папа и ничего не понимает: за какую-то неуловимую секунду серьёзная летающая машина превратилась в совершенно легкомысленного лягушонка. Можно ли в это поверить? Нет, конечно. А можно ли не поверить, если видишь своими глазами? Вот сидел папа и не знал: верить или нет. Подошла мама.

— Всё-таки у тебя золотые руки, — сказала она, — только ты мог сделать такую забавную игрушку.

Не поверить маме папа, естественно, не мог. Да и каждому ясно, что весёлый лягушонок гораздо лучше обыкновенного вертолёта.

А Струмышка удалилась в свою сахарницу. Ночью, когда все спали, она снова принялась за свои волшебные дела. Готовила сюрприз для мамы.

На следующий день пришла мамина подруга. За готовым костюмом. Мама сшила очень элегантный, серьёзный костюм. И вдруг — золотая пыль в глазах. На один миг. А потом — радость: тяжёлый тёмно-синий материал превратился в мягкий нежный шёлк, а строгий деловой фасон преобразился до неузнаваемости. Это же воздушное волшебное платье феи! Сказочный наряд, в котором танцевать на самом блестящем балу самого блестящего короля.

И неважно, что нет ни бала, ни короля, ни сказочного, ни настоящего. Ведь не в этом дело.

«Теперь, — подумала Струмышка, — нужно что-то придумать для дочки». Что-нибудь очень хорошее хотелось сделать для девочки. Две ночи думала Струмышка и придумала совсем простую, но чудесную странность.

Просыпается девочка утром и видит в вазочке на столе букет невиданных цветов — золотисто-жёлтых с зелёной серединкой.

Никто в доме не удивился Струмышкиным чудесам. Ни первому, ни второму, ни третьему. Так уж устроены люди: добрым чудесам не удивляются. Их просто помнят.

Вот и кончились странные неожиданности в этом доме. Струмышке пора перебираться в другую сахарницу, других людей удивлять. Она им нужна. Не очень интересно жить без весёлых несуразностей, без странных происшествий, без ветреных и обязательно добрых Струмышек.

Не выбрасывайте, пожалуйста, старых сахарниц!





ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Наталья Корнеевна Абрамцева

ЗАЧАРОВАННАЯ ИЗБУШКА

СКАЗКИ

Художник Т. Чуркина

Редактор В. Цубин, Художественный редактор А. Лиси,
Технический редактор Н. Желудова, Композитор Н. Шадрин

ИБ 26 1538

Сказки в перепл. 30 02 88. Подписано в печать 17.06.89 60х90^{1/2}. Бум. оф. № 1.
Саратовская областная Печать (Саратов), Ул. им. Г. Д. Удальцова, 91/9.
Удальцова, 91/9. Тираж 150 000 экз. Изд. № 10079. Заказ № 2342. Цена 12 коп.
Издательство «Малыш», 121357, Москва, Давыдовская ул. д. 3. Кабинетный
адрес: Тургеневская Кирочная. Телефон: 243-05-10. Т10000. Каталоги: «Малыш»
или «Малыш СССР». Государственный РСФСР № Т10000. Каталоги: «Малыш»
Октябрь 89.



480301001-060
А М307003-89 28-81

15825 5-112 10303 4

© Издательство «Малыш», 1989

